

В. П. Цырулева

«Я ЗАПОМНИЛА ЭТО НА ВСЮ ЖИЗНЬ...»

В. Цырулева. 1960-е гг.
Фото из архива АРБ
имени А. Я. Вагановой

В. П. Цырулева. 2014 г.
Фото В. Васильев

Валентина Павловна Цырулева (р. 1925) — выпускница ЛХУ 1945 г. (педагог А. Я. Ваганова), артистка Театра оперы и балета им. С. М. Кирова (1945–1967), преподаватель классического танца Академии Русского балета имени А. Я. Вагановой.

15 июня 1941 года отец отправил нас на дачу в деревне «Пятая гора» (это за Гатчиной и станцией Елизаветино). Когда 22 июня началась война, никто даже представить не мог, что немцы пройдут маршем до нашего города. Отец и не вывозил нас, потому что тоже думал: война где-то там далеко, не здесь. А когда уже стали бомбить Ленинград, ему с трудом удалось доехать до нас и забрать в город. С дачи мы практически ничего не взяли. Какие-то продукты еще имелись в запасе дома, вот этим мы и жили, нас это немножко спасло. Когда мы возвратились, отец побежал в Школу, а там сказали, что уже поздно, все уехали в эвакуацию...

И вся наша семья осталась в Ленинграде — мама, отец, я, мои две сестры и брат. С октября месяца уже начался голод, давали по 125 граммов хлеба. Отец работал на заводе «Электроаппарат», имел такую профессию, которая была нужна в войну. Поэтому его не мобилизовали, и он умер очень быстро, в декабре 1941 года.

Мы жили на Васильевском острове. Некоторое время я еще бегала на занятия, пока транспорт работал. А потом перестала куда-либо далеко выходить. Чем мы занимались? Война! Весь народ встал на защиту города. Я — девочка, подросточек, мне 16 лет исполнилось, и, как многие, я таскала мешки с песком на чердаки, чтобы дома не горели от зажигательных снарядов. И делала это с удовольствием, потому что хотелось приносить пользу. Позже нас, вот таких подростков, вывозили под Пулковку, и мы там перед обсерваторией рыли окопы. А уже начались налеты.

Было ужасное время. Люди умирали от голода. Я помню, как один раз меня вызвали и сказали, что надо подежурить, пока будут вывозить трупы. Они за-

мороженные были, их вывозили на грузовиках, а мы, две девчонки, стояли и никого не подпускали близко.

В 1942 году стали выдавать по 200 граммов хлеба. Мы все, кроме отца, выжили, и осенью дядя Иван (брат отца, военный, чуть позже он погиб на фронте) нас отправил в эвакуацию. Мы ехали в товарных «теплушках», ехали и ехали, я не знаю сколько. На полу спали. И все заболели сыпным тифом, а я в последнюю очередь его подхватила.

Мы приехали в Галич — родной город моей мамы. И там я пролежала два месяца в госпитале. Потом моя сестра (а она была старше на 7 лет) привезла меня в Молотов, где уже были мои одноклассники по Школе.

Когда меня выпустили из больницы, я написала одной из своих подруг, Тамаре Кюн. И попросила её, чтобы она сообщила директору и художественному руководителю о том, что я жива, и где нахожусь сейчас. И мне прислали необходимый документ, чтобы добраться в Молотов.

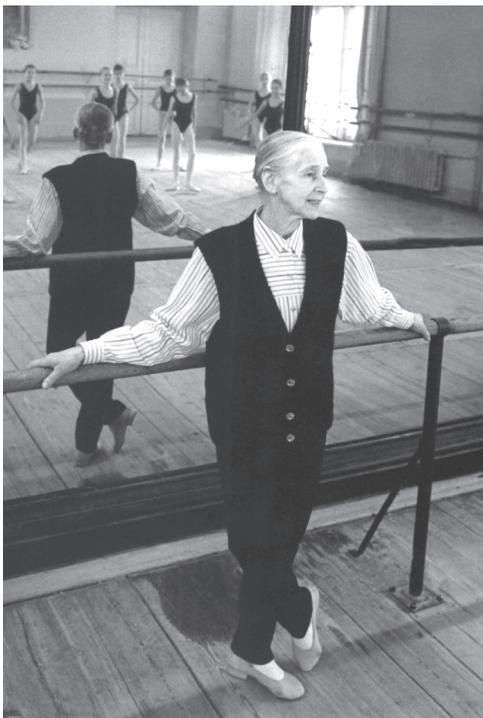
Когда я туда приехала, то была очень худая и стрижена наголо после тифа. Меня отправили в Нижнюю Курью, а затем в Полазну. Там был санаторий для эвакуированных детей. Он назывался «Санаторий миссис Черчилль», по имени англичанки, которая присылала туда деньги. И нас там неплохо кормили. У меня был гемоглобин чуть ли не на нуле, поэтому мне давали сырую печенку. Это было противно, но я ела...

Кроме того, нам выдавали высокие ботинки на застёжках — конечно, у нас таких никогда раньше не было. Нам присылали стеганые пальто, шапки, и еще одеяла или пледы гарусной шерсти из разноцветных квадратов: синие, бордовые, зеленые и бежевые. Мы этими пледами покрывались, когда спали. Для нас это было что-то невероятное.

Боже, какое было веселье, когда нам сказали, что мы наконец возвращаемся в Ленинград! Мы все прыгали, кричали! А вагоны, в которых мы ехали, были замечательные — купейные, в каждом купе по четыре человека, нас кормили в пути, и было блестящее белое белье, крахмальное. Мы уже забыли, как это все выглядит! Ехали долго, и в Ленинграде нас встречали те, кто Блокаду пережил, и городское руководство.

В родной Школе для нас заранее подготовили спальни (в тех классах, где сейчас проводятся уроки). Девочки в одной стороне, мальчики в другой стороне спали. Мальчиков тогда было мало. Нам сразу выдали специальные карточки, мы получали рабочую норму, а сверх этого еще и карточки на дополнительную еду.

Иногда мы ездили выступать в концертах перед бойцами, которые приезжали на отдых. Танцевали на сооруженных из дерева сценах. Однажды, я помню, в концерте должны были танцевать Нинель Петрова с Аскольдом Макаровым «Мелодию» К.-В. Глюка. Но почему-то Нинель Петрова не смогла. И мне сказали: «Учи, поедешь с Макаровым на концерт». Я выучила «Мелодию» и единственный раз её танцевала. Шел 1944 год, было лето. Концерт проходил недалеко от Ленинграда. Я в белой тунике, Макаров тоже в светлом костюме. Она меня

В. П. Цырулева в классе Академии. 2014 г.
Фото В. Васильев

Т. Лака. Этот номер поставил нам Владимир Иванович Пономарев, он преподавал в Школе и в театре.

Еще помню, как под Новый 1945 год мы собрали деньги, стипендию, и поручили «Ежику» Зосимовскому¹, чтобы он купил в Елисеевском магазине большую белую корзину в цветах с фруктами (груши, яблоки и виноград), и две бутылки шампанского. И утром тридцать первого декабря Зосимовский на такси отвез этот подарок Агриппине Яковлевне на Гороховую (там она жила, около Адмиралтейства).

А я тогда написала такие стихи, которые до сих пор помню:

Снег кружится над сонной землей,
И прошедшим становится год.
Он уносит немало с собою:
И уроков, и снов, и забот.
Вам наверно уже надоели
Наши глупости, лень, да смешки?
Да, не все мы стройны, как газели,
Не изящны движения руки.

¹ Виссарион Зосимовский — артист балета, педагог.

Но мы просим простить нам все это!
Обещаем Вам в Новом Году
Силы все приложить для балета,
Чтоб остаться у Вас на виду.
С Новым Годом мы Вас поздравляем,
И среди Вашей славы, труда,
Много сил Вам, здоровья желаем,
И успеха в работе — всегда!

Вот это стихотворение мы тоже положили в корзину.

Тридцать первого и первого, как известно, мы не учились. А когда второго января пришли в класс, Ваганова всех поздравила и говорит: «Зачем вы истратили последние свои гроши! Это же такие деньги! Зачем?». Потом она поблагодарила нас за шампанское и фрукты и спросила: «Да, кстати, а кто стихи написал?». Все молчат. И я молчу. А Катя Гамалей все-таки сказала: «Это Валя Цырулева». «Господи, а ты, оказывается, умная!, — говорит тут Агриппина Яковлевна. — И стихи пишешь ещё! Так тебе, может, в Университет?»

Я запомнила это на всю жизнь, семьдесят лет прошло, а я помню.
Вот так все было.